

Дизайн автора

В МЕТЕЛЬ

В Ревде, сойдя с поезда, часа два шатались по занесенному снегом поселку, грелись у печки в единственном магазинчике, сидели у наглухо закрытого окошка билетной кассы, над которым было приколото расписание прибытия и отбытия автобуса.

Капитан Теребя застрял в магазине, ефрейтор Гальперин - лычку ему кинули на ноябрьские - преспокойно спал, отвалившись на спинку скамейки в зальчике ожидания, и Кузнецов сердито поглядывая на его благополучный подбородок и красную нижнюю губу, отвисшую во сне. По характеру Кузнецов был домоседом, и каждая командировка превращалась для него в испытание.

Из Ловозера наконец приехал автобус, по стекла запорошенный снегом. Шофер вымел мусор вслед замешкавшемуся пассажиру, мрачно постучал солдатским сапогом по переднему колесу и ушел обедать, а вскоре он же, с подобранным от еды лицом, открыл дверь, пропуская пассажиров, забрался на скрипнувшее под ним сидение, натужливо обернувшись, справился - все ли, и они поехали.

Автобус был старый, носастый и трясуший, с широким допотопным салоном из фанеры в оплете металлического каркаса. Устроились в самом конце: капитан, а за ним на жестком кое-где прорванном дерматиновом сидении Кузнецов с Гальпериным.

Попархивал снежок и на фоне отдаленной сизой полосы леса наискось опускался на равнину. Быстро темнело. Шофер включил фары - они высветили слившуюся с молочно-синими сумерками узкую дорогу. Ветер усилился, и снег пошел гуще. Когда въезжали в лес, еще можно было различить черные в белых крапинах стволы деревьев и тяжелые еловые лапы, вытянутые навстречу, словно руки голосующих путников, а на равнине вовсе ничего не было видно - в стекла и обшивку принимались стучать снежные хлопья, и в автобусе сразу становилось холодно.

Первым из оцепенения вышел Гальперин. Он окончательно проснулся, проглотил слюну, со стоном развел согнутые в локтях руки и, посмотрев на багровую шею капитана, тайно принявшего маленькую "столичной", спросил громко и многозначительно:

- А что, тащ капитан, далеко нам еще ехать?

Капитан Теребя обернулся с подозрением, словно ожидая подвоха, и ответил не сразу:

- Далеко, Гальперин, на нас с тобой хватит.

Затем перевел взгляд на Кузнецова и подмигнул:

- Что, Кузнецов, загрустил? Не падать духом. Как в песне - солдат всегда солдат!

- Я не падаю, товарищ капитан, - невольно улыбнулся Кузнецов.

- А ты бы, Гальперин, спел для нас, - оживая на глазах, продолжал Теребя. - Даром что ли я вас везу, можно сказать, самый цвет части. Давай мою любимую! - капитан взмахнул рукой и тихо проникновенно начал:

- Я встретил вас и все бывшее в отжившем сердце ожило...

Гальперин одобрительно щелкнул языком и умело вступил в терцию:

- Я вспомнил время, время золотое, се-э-эрдцу стало...

Они пропели "как поздней осени порою", и капитан Теребя замолк, покачиваясь и дирижируя. Гальперин добросовестно допел до конца и спросил:

-Что еще, тащ капитан?

- Пой, Гальперин, пой, - мечтательно сказал Теребя, и Гальперин запел:

- На побывку едет молодой моряк, грудь его в медалях, ленты в якорях...

Его слушали. А кое-кто оборачивался и улыбался. Капитан Теребя отвечал горделивой улыбкой.

Стекла автобуса совсем заиндевели. Шофер включил в салоне свет - они заискрились, а пассажиры воспрянули, словно со светом вернулось тепло, а ехать осталось недолго,

Вскоре они застряли. Сначала автобус, содрогаясь, с усилием отвоевывал у занесенной снегом дороги метр за метром, шофер, каменя спиной, лихорадочно выкручивал баранку, автобус скользил, виляя задом, потом засел окончательно и на надсадное подвывание мотора отвечал лишь слабым, беспомощным подергиванием.

Шофер достал лопату и молча выскочил наружу. В открывшуюся на миг дверь ворвались хлопья снега, и все услышали мощный рев ветра. Спустя минуту появился водитель, белый от снега.

- Мужики, подтолкнем?! - крикнул он.

Мужчины весело повскакали со своих мест, с азартом облепили автобус и принялись толкать.

- Погодь! - раздался голоса. - Мотор-то не заведен!

Мотор заработал, и после дружного "раз-два взяли!" машина легко подалась вперед. Продолжая упираться в корпус, все побежали за ней...

Кузнецова так пробрало ледяным ветром, что теперь, сжавшись на сиденье, он не хотел ни двигаться, ни говорить. А Гальперину было весело. "Я вся такая белая, рыхлая, рассыпчатая, как булка с маслом, меня милиция знает", - сыпал он на весь автобус, так что один из пассажиров, сидевший на месте кондуктора лицом к ним, уже и рта не закрывал, следя за Гальпериним мокрыми обессиленными от смеха глазами.

"Цирк...", - морщился Кузнецов.

Не прошло и десяти минут, как у мотора снова изменился голос - стал надрывным - и по тому, как засуетился шофер, стало ясно, что снова автобус застрянет. На этот раз и без просьбы водителя мужчины вывалились наружу.

Мело. Даже в темени, обступившей их, было видно, как вверх-вниз несутся хлопья снега. Справа от дороги лежала широкая просека, и от самого леса из темноты летели сюда белесые холсты поземки. Они разрывались о ноги на полосы и лоскуты и стремительно уносились на другую сторону. Кузнецов отступил на несколько шагов, глянул на их маленький, зарывшийся в сугробы автобус с желтыми квадратиками промерзших окон, на горстку людей, суетящихся рядом с ним, на стену деревьев, угрюмо черневшую в метрах ста от дороги, и ему стало не по себе. Втянув голову в плечи, он поспешил к остальным.

В один миг шофер откопал задние колеса, и все уперлись в кузов и передние крылья. Рядом с Кузнецовым приналег человек в коротком пальто и кожаной шапке-ушанке, тот, что больше всех смеялся над выходками Гальперина. Электромонтер, мысленно назвал его Кузнецов, вспомнив, что видел у него на коленях плоский черный ящичек. Электромонтер выкладывался до отказа, его

худое, со впалыми щеками лицо дрожало от напряжения. Вокруг деловито копошились остальные. Одинаковые в автобусе, теперь они проявлялись каждый на свой лад. Неразбериха продолжалась недолго. Среди голосов выделилось два - уверенных и энергичных, с начальственными нотками - и остальные охотно подчинились им. Автобус дернулся неожиданно, и многие попадали в снег.

Снова толкотня, оживление. И женщины, не выходявшие из автобуса, смотрели теперь на них по-особому...

Плотно усевшись, Гальперин снял сапог и с сосредоточенным видом принялся отколупывать от портянки подтаявшую ледяную корочку. Кузнецов процедил:

- Послушал, кончай демонстрацию.

- Эстет, - нехорошо ухмыльнулся Гальперин, - а что, простужаться прикажете?

Дорогу продолжало заметать. Через каждую сотню метров автобус буксовал задними колесами, пока не зарылся в снег по самый карданный вал. Снег, конечно, раскидали и снова, теперь уже молча, принялись толкать. "Не выберемся", - равнодушно подумал Кузнецов, и ему показалось странным, что другие не понимают этого, продолжая бесполезную выматывающую возню. Он не изменил позы, но мышцы его ослабли, и он сразу почувствовал, что ноют плечи, что заледенелый ворс воротника натер шею, что рукавицы промокли насквозь...

Мужчины еще немного повозились у автобуса и отступили. Посовещавшись, решили, что женщинам тоже надо выйти. Внутри осталась только мать с пятилетней девочкой - та спала на руках. Снова толкали, враскачку, и назад, и вперед - ничего не помогало.

- Ну что ж, ночевать так кочевать, - бодро сказал кто-то.

- Нет, так не пойдет, - возразили ему, - послать кого-то надо в поселок.

- Кого-то? Кто пойдет в такую метель?

- Охотников нема...

- А солдаты?

- Конечно, солдат надо послать!

- До поселка-то сколько еще?

- Да километров тринадцать с гаком.

- Солдаты пусть идут. Тягач вызовут,

Кузнецов с Гальперином переглянулись. Они стояли тут же, но с ними не советовались, словно то, что они были в шинелях, давало остальным право распоряжаться ими. Возможно, так и полагалось: как там, в уставе, сказано? - "священный долг?" - но Кузнецов почувствовал, как от обиды у него перехватывает горло.

- Ну что, братцы-новобранцы, - как-то боком подошел капитан Теребя. - Говорят, надо идти. Раз говорят, значит, надо... - Он вздохнул, покачал головой, словно еще раздумывая, но видно было, что он разделяет мнение остальных, да и не осмелился бы иначе. Солдат всегда солдат.

- Куда идти? - громко и обиженно протянул Гальперин. - Что мы, рыжие что ли? Дороги не видать - хоть глаз вынь да свети.

- Да что вам дорога? - кликнул кто-то не выходя из толпы. - Прямо так и пойдете вдоль телеграфных столбов.

- О чем разговор?! - перебивая друг друга, подхватили остальные. - Проще простого!

- Ни фонаря, ничего... - с тревогой в голосе говорил Гальперин. - Консервы хотя бы дали. Баночку...

Но его уже не слушали. Дверь автобуса захлопнулась, и они остались одни.

- Во дела! - восхитился Гальперин и длинно сплюнул. - Я встретил вас... Видал миндал? - Он зачем-то достал из кармана шинели складной нож, открыл лезвие и потрогал его пальцем.

- Пойдем, - хмуро бросил Кузнецов, поднял воротник шинели и зашагал вперед.

- Тринадцать километров, - прикидывал Гальперин, облизывая губы.- Это часа три топать, а, Кузь?

- Не меньше, - буркнул тот.

В последний раз они оглянулись на автобус. Он стоял, неестественно вывернув колеса, снег закручивался на плоской крыше и улетал во тьму, фары были включены - их свет упирался в струящуюся стену снежных хлопьев...

Дорогу заметало неровно. То тут, то там снег закручивало воронкой, тогда под сапогами неожиданно звонко отзывались пустоты накатанной наледи. Вырубка кончилась. Они вступили в лес. Здесь было тише, сквозь деревья, тонко и остро шурша, просеивался снег. Только поверху ходили вихри, и высокие ели тяжело и мерно раскачивались, роняя шмотья прошлого снегопада.

Шли, не останавливаясь, не передыхая. Гальперин был по плечо Кузнецову. Чтобы не отставать, он то и дело переходил на рысцу.

- Кузя, а, Кузя?

Кузнецов не откликнулся.

- Кузь! - догнав, тронул его за рукав Гальперин. - Слышь?

- Ну что?

- Может, не зря мы идем? Может, благодарность объявят, а?

- Жди, как же! - огрызнулся Кузнецов, потому что думал о том же. - Жди! Сфотографируют у развернутого знамени части. Письмо командования на родину. Внеочередной отпуск: десять дней дома, четыре на дорогу.

Гальперин посмотрел на Кузнецова и молча пошел рядом. "Дрыхнут, небось, - подумал он с завистью и обидой о тех, кто остался в автобусе, - а им тут замерзай в снегах..."

Дорога виляла по лесу, и то и дело впереди на повороте возникали черные неясные пятна, будто кто-то стоял посерединке, поджидая... Это кусты, говорил себе Кузнецов, или какая-нибудь елочка, но каждый раз у него сжималось сердце, и он все ускорял шаги. Ему казалось, чем быстрее они идут, тем безопаснее в этом лесу, охваченном тьмой и метелью.

Потом он услышал этот звук, что доносился с порывами ветра и был однообразен, высок и тосклив. Сначала Кузнецов надеялся, что он исчезнет, минует их, вернее, они пройдут, и он останется позади - мало ли что это может быть, но звук не исчезал, а словно шел следом, поодаль. "Волки", - сказал он себе и пошел еще быстрее, почти побежал. "Волки, волки!" - билась в нем страшная догадка.

-Ты что? - услышал он позади удивленный голос Бублика, и неожиданно для самого себя остановился, ноги его дрожали.

- Слышишь? - сказал он и не узнал своего голоса.

- Чего? - испугался Гальперин.

- Воют...

- Воют? - переспросил Гальперин и вдруг рассмеялся. - Это ж провода. Я сам сначала на волков подумал. Провода. Вон.

Справа из-за макушек деревьев темнел столб с облепленными снегом проводами...

Оказывается, их, как и было обещано, сопровождали столбы. Один за другим они неуклонно возникали из темноты в нахлобучках снега, вселяя уверенность и спокойствие. Через враждебное пространство леса они соединяли два людских жилья, два света, два тепла, и от сознания этого и сам лес казался уже не таким чужим. Правда, каждый куст, подозрительно темнеющий у дороги, все-таки по-прежнему тревожил Кузнецова, но он только злее и решительнее переставлял ноги.

Гальперин пробовал петь, но Кузнецов сердито его оборвал и прибавил шагу, отворачивая лицо от ветра.

- Постой! - крикнул Гальперин и чертыхнулся. Кузнецов глянул через плечо. Гальперин вставал с колен, выгребая из левого рукава снег. Кузнецов усмехнулся и замер - далеко за Гальпериним по еще различимой полосе дороги двигался человек.

- Смотри, кто там?! - сказал он, указывая рукой за Гальперина.

Тот резко обернулся и подбежал к Кузнецову:

- Шпион? - толстые губы его сами собой распались.

- Похоже...

Прятаться было поздно. Человек уже заметил их - это было видно по его походке - но продолжал приближаться быстро и целеустремленно. Не шпион, - лихорадочно соображал Кузнецов. - Не может быть шпион. Тот бы испугался. А если шпион? Вооружен и потому не боится. Пропустить, сделать вид, что ничего особенного, пусть себе идет. А в поселке скажем. Далеко он не уйдет. Так лучше. Сразу придем вслед за ним и скажем. Нет - задержать. Они же солдаты...

Однако что-то в человеке все больше и больше казалось ему знакомым, это короткое пальцецо, шапка... А что у него в руке? Электромонтер!

- Это из автобуса! Узнаешь? - выдохнул он облегченно.

- Точка! - улыбаясь, протянул Гальперин. - Откуда здесь шпиону...

Они не спеша двинулись дальше, полагая, что электромонтер сам их догонит. Вот, идя по другой обочине, он поравнялся с ними - Кузнецов открыл было рот, чтобы окликнуть его, но так ничего и не сказал. Человек, не поворачивая головы, уткнувшись до самых глаз в поднятый воротник, с ящичком подмышкой, молча обогнал их и, подминая снег тонкими упругими ногами, стал удаляться, Они шли следом, глядя на его напряженную спину. "Боится, нам не доверяет, - со странным удовлетворением подумал Кузнецов. - Спасается, артист. Что там у них? Замерзли, удирать стали? И Теребя с ними..."

- Ты смотри, чесанул как! - хлопнул себя по колену Гальперин, когда электромонтер оставил их позади. - Ничего себе, марафончик! - Он набрал воздуха, чтобы крикнуть вслед, но Кузнецов остановил его:

- Не надо. Пусть идет.

- Да? - посмотрел на него Гальперин. - Думаешь?

Электромонтера уже не было видно за падающим снегом.

И все-таки им было немного не по себе, оттого что он не доверял им.

Дорога еще раз повернула, и в лицо им с неожиданной силой ударил ветер. Лес отступил, исчез за метелью, только далеко слева был едва различим узкий мыс деревьев. Оттуда, обтекая его с двух сторон, неслись сюда, в лощину, снежные потоки. Увалы, бугры, сугробы росли прямо на глазах, шевелясь и надвигаясь, словно снежные чудовища. Целые поля снега накатывались к дороге, чтобы похоронить все под собой раз и навсегда. Впереди ничего не было видно, столбы исчезли - вместо дороги впереди кипела бугрящаяся равнина...

Кузнецов вдруг осознал, что он отчаянно спешит куда-то по снегу. Он проваливался по пояс, обмирая от этих жутких обрывов в глубину, карабкался на коленях через сугробы, падал лицом в рассыпающуюся колющую снежную крупу. "Нет, не конец! - повторялось в нем. - Не может быть, чтобы конец". - В смерть свою он не верил, это было невозможно, это не могло быть с ним, нет, не с ним, не для него... Он только чувствовал, что надо спешить, ползти из последних сил, иначе что-то произойдет, и тогда уже никто ему не поможет. Гальперин? Кузнецов не помнил о нем.

Под только что наметенными слоями снега был наст, он продавливался под ногами, и твердые края корки хватили за сапоги. Ноги сразу сделались ватными. Кузнецову казалось, что он по-прежнему спешит - на самом же деле движения его стали медленными, вялыми, как под водой. Впереди показались полузанесенные кусты. Кузнецов, застонав, повернул к ним, словно именно там было спасение. Возле кустов снега стало всего лишь по колено, так что он уже не помогал себе руками и выпрямился. Он обошел кусты с подветренной стороны, и тут под ногами надежно отозвалось твердое накатанное покрытие. Не смея верить, Кузнецов сделал туда-сюда по несколько шагов. Это была дорога.

Пошатываясь, он обернулся и увидел Гальперина. Тот остановился поодаль, растерянно глядя на Кузнецова и тяжело дыша.

- Дорога, - сказал Кузнецов. - Видишь, дорога.- Он говорил, словно оправдывался. Ему было стыдно. А Гальперин молчал.

Согнувшись от ветра, они побрели дальше, белые, словно в маскхалатах. Кустарник незаметно перешел в лес, и на фоне мутно-белесого неба поднялись черные силуэты столбов. Они тревожно гудели - и в этом гудении, казалось, была заключена сама жизнь. Кузнецов и Гальперин остановились и стали обколачивать рукавицами шинели.

- Полпути отмахали, так что осталось всего ничего, - бодро сказал Кузнецов.

- Конечно, - соорил одну из своих фирменных рож Гальперин. Кузнецов благодарно посмотрел на него.

Все-таки в той чертовой лощине они порядком выбились из сил, шаги теперь давались с трудом, приходилось заставлять себя идти.

- Кузя, ты ничего не видишь? - спросил Гальперин, показывая скрюченной зальделой рукавицей куда-то в сторону, за кусты и невысокий ольшаник. Кузнецов сощурил глаза - и в самом деле, небо в одном месте было как будто чуть светлее.

-Луна, наверно, - сказал он.

- Не похоже. Луна должна быть выше. Смотри! Смотри!

И сразу вслед за порывом снежного вихря они увидели в очистившейся дали несколько слабых точек света.

- Ловозеро! - заорал Гальперин, подпрыгивая и мотая руками.

- Постой, - сказал Кузнецов, - всего пять огней. Какой же это поселок?

- Говорю тебе, Ловозеро!

- Нет, это что-то другое. Совсем в стороне от дороги.

- Идем, идем! - торопил Гальперин.

Они прибавили шаг, не спуская глаз с этих далеких, слабо помигивающих точек света. Но огни оставались все так же далеко и постепенно отступали назад,

- Вон еще такие же, - мотнул головой Кузнецов.

Вдали снова возникло несколько едва заметных бисеринок света.

- А, чтоб её... - расстроился Гальперин. - Уже два с половиной часа топаем.

Стало подмораживать, говорить было трудно, губы почти не слушались. Глаза приходилось протирать рукавицей - уголки их смерзались, брови от дыхания обрастали ледяной коркой.

Впереди на дороге что-то зачернело. Электромонтер, - со злорадством решили они. Темное пятно, маячившее впереди, постепенно разрасталось.

- Дом какой-то или будка, - неуверенно произнес Гальперин.

Это был грузовик. Огромный, трехосный, военный грузовик, по колеса в снегу. Его высокий брезентовый верх вздрагивал и глухо хлопал отстегнутым пологом.

- Интересно, что там? - сказал Кузнецов.

- Брось, не надо, - тронул его Гальперин рукавицей.

- А... - отмахнулся Кузнецов.

Оставляя за собой глубокие ямы в снегу, он добрался до кабины и с опаской рванул на себя дверь. Внутри было пусто, выстужено и резко пахло бензином.

- Где ж водитель? - спросил Гальперин, подходя следом,

- Где? Идет где-то, - сказал Кузнецов и захлопнул дверь.

- Может, бензинчику возьмем? - предложил Гальперин. - Спички есть. Согреемся.

- Один такой согрелся... - сказал Кузнецов.

Не прошли они и двухсот метров, как снова зачернело впереди. Это был еще один грузовик, поменьше, так что колес и вовсе не было видно. В кабине было пусто, а через неплотно пригнанное стекло на сидение нанесло пирамидку снега. Сколько же их пробиралось в поселок! Может, они и сейчас где-то впереди... Теперь уже казалось, что теперь все неприятности разделены поровну, так чтобы каждому легче было справиться с доставшейся ему долей.

Лес снова начал отступать, распадаться на островки, посветлело, очевидно, взошла луна, ветер стал хлестким - он рассыпал понизу извивающиеся от обочины к обочине полосы снега и вдруг разом сметал.

"А хорошо бы в самом деле отпуск, - думал в забытьи Кузнецов. - Хотя бы дней пять дали. Закатил бы в Мурманск, оттуда на самолете - полтора часа и дома. Служить ему оставалось меньше года, и домой тянуло не так, как прежде - привык, И все же он думал о доме постоянно, воображая, что там, на гражданке, его ждет другая жизнь, совсем не похожая на ту, что здесь и что была до службы. Все будет по-новому, по-иному - вокруг новые интересные люди, и он сам будет новым, совсем другим..."

Кузнецов открыл глаза и ахнул. Прямо от его ног, спускаясь вниз, под гору, изгибалась, серебрилась среди четко очерченных черных кустов и деревьев дорога, а дальше, над зубчатой стеной леса, явственно выделяясь в поглубевшем небе, молочным полукругом стояло зарево света.

- Ура! - закричал Кузнецов и прыгнул на Гальперина. Гальперин, не сопротивляясь, повалился. Кузнецов сел на него верхом. - Кричи "ура"! - сыпанул он в лицо Гальперину пригоршню снега. Гальперин загоготал, быстро, по-собачьи стал отбиваться, но снег сдувало прямо на него.

- Пусти! - взвыл он, вырываясь. - Пусти, меня милиция знает!

Они бежали, спотыкаясь, скользя и падая. Теперь впереди действительно был свет, с каждым шагом он разрастался, так что уже можно было различить отдельные огни. Однако под горой, в лесу снова стало сумрачно, глухо, дико.

- Ничего, ничего, - повторял Кузнецов, словно это по его вине исчез свет. - Вот еще немного к все. Главное, уже близко.

Гальперин сопел, поспевая следом, хотя теперь можно было и не спешить. Все равно поздно. Если бы до отбоя, их бы накормили, обступили бы потом, и он равнодушно и устало отвечал бы на вопросы. Хорошо бы, чтобы об их подвиге написали в газете. Если только этот электромонтер все не испортил. Ему что, а им поощрение. Наверное, уже предупредил. Зря они его не догнали...

Дорога все поворачивала меж сумрачных стен, то слева, то справа обдавало ледяным ветром, шумели, покачивались ели, и не верилось, что был свет, что они бежали к нему, и он казался таким близким - рукой подать.

- Куда к черту оно делось, - нетерпеливо говорил Кузнецов.

Но вот, за очередным поворотом, лес разом расступился, стало необъятно светло, и снег, который прежде появлялся из белесой тьмы быстрыми серыми тенями, теперь белый, искристый, пушистый сыпал и сыпал клубами на фоне вставшего ослепительного света.

Впереди поднималась радиорелейная мачта, и прямо с неё мощный прожектор широким ярким снопом бил на территорию воинской части.

Они остановились.

- Все, притопали, - плохо слушавшимися губами сказал Кузнецов.

Больше и в самом деле спешить было некуда и больше не хотелось спешить.

- Подожди, - сказал Кузнецов, - сначала надо отлить...

- А... - засмеялся Гальперин и пошел вперед,

Кузнецов расстегнулся, подхватил одной рукой полы шинели и повернулся спиной к ветру и темному нестрашному теперь лесу. Он стоял прямо посреди дороги и улыбался, глядя на релейную мачту и фигурку Гальперина впереди.

На КПП никого не было. Дежурный в огромном, под ремень, тулупе сонно вышагивал по освещенной территории. С высоких скатов крыш, вихрясь, срывался снег и в свете прожектора сплошным белым потоком бешено несся к земле.

Заметив их, дежурный остановился и, поправив армейский нож в ножнах, смотрел, как они подходят. Был он низкорослый с морщинами под глубоко сидящими глазами на ребячем лице. На ногах у него были большие толсто подшитые валенки.

- Оперативный где тут у вас? - сурово, с превосходством спросил Гальперин.

- Откуда прибыли? - без всякого любопытства и удивления спросил в свою очередь дежурный, щурясь от снега и прижимаясь щекой к лохматой овчине воротника.

- Оттуда, - ответил Гальперин. - Автобус, слышь, застрял, двадцать километров пешком шли. Люди замерзают. Оперативный где? Или уже был кто?

- Там вон, - равнодушно показал головой дежурный и отвернулся, намереваясь продолжить свой однообразный маршрут, но, словно осознав что-то, снова посмотрел на них, еще раз показал головой и пошел впереди.

На командном пункте блестел тщательно натертый пол. За низким столом, заставленном аппаратами для связи, сидел подтянутый офицер с погонами старшего лейтенанта. Дежурный, насколько ему позволял тулуп, поднял руку, отдавая честь и, уловив нетерпеливое движение в лице старлея, оказал:

- Это к вам, товарищ старший лейтенант. Разрешите идти?

Не дожидаясь ответа, он повернулся, а старлей, молодой с глубокими залысинами большого гладкого лба иронически посмотрел на них и разлепил неровно сложенные губы:

- Ну так что случилось?

Выслушав, он неторопливо, даже небрежно, притянул за провод телефон, поднял трубку и, не глядя, кивнул им:

- Идите. Скажете дежурному, чтобы накормил.

Перед дверью в столовую пришлось разгрести снег. Дежурный, не снимая тулупа, с трудом перевалился через раздаточное окно - "амбразуру" на кухню, гремя заслонками, порыскал у плиты и вылез, держа перед собой алюминиевую тарелку с кислой капустой.

- Больше ничего, - сказал он. - Подождите, хлебореза разбужу.

Вернулся он один, но со связкой ключей. Долго возился в хлеборезке и наконец вынес им полбуханки белого хлеба и три ломаных куска масла.

- Вот еще глюкозки, - вздохнул он, протягивая пригоршню рафинада.

- Садись за компанию, - сказал Кузнецов.

- Да? - воспрянул дежурный. - Я еще чайку притащу. С КПП. Мигом.

Сидели, расстегнувшись, привалясь к стене. Серая, потемневшая с загнутыми краями клеенка на столах, над амбразурой - "Три медведя" в дешевом золотом багете, потолок, потемневший от духа солдатских щей...

- А монтер-то наш... - протянул Гальперин,

- Что? - не понял дежурный, вытащив кусок сахара из губ. Он пил по-деревенски, вприкуску,

- Да так...

Помолчали.

За стеной с бархатной мощью прокатился гул двигателя и сама стена завибрировала.

- Вездеход пошел, - уважительно сказал дежурный.

Снова окунувшись в метель, они бегом пересекли двор. В казарме было тихо, тепло, все спали, и тонко, по-аптечному, пахло нагретым железом и камнем протопленных на ночь печек. Дневальный показал, куда можно ложиться, - спальное помещение было просторным. Дверь в коридор закрылась, стало темно, а замерзшие окна матово высветились и зарябили падающими снежными теньями.

Кузнецов обернул портянками голенища сапог, поставил их за батарею водяного отопления и лег. Рядом возился и скрипел пружинами Гальперин. Кузнецов сразу стал засыпать, и только, когда на дворе ожесточенно завывало, открыл глаза, и ему показалось, что на месте стены с

головокружительной скоростью обрушивается снежная лавина. Он повернул голову - Гальперин, лежа на животе, из-за плеча смотрел на него.

- Кузь?

- Что?

- Все-таки жалко, Кузь.

- Иди ты... - по привычке сердито пробормотал Кузнецов, снова проваливаясь куда-то и чувствуя, что ему тоже жаль, но чего - он не смог бы объяснить.

1967